

«КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА» ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

«COLLECTIVE RIGHTS» OF ETHNIC COMMUNITIES: EXAMINATION OF SOCIAL AND LEGAL CONCEPTS

М. А. Южанин,

кандидат социологических наук, доцент Государственного технического университета
«Московский авиационный институт»

В последнее время стало популярным относиться к концепции «коллективных прав» этнических групп как к основе этнонациональной политики каждого прогрессивного государства и всего глобального социума. Дается социологическая и юридическая характеристика этого понятия, анализируются аргументы «за» и «против» ее практической реализации. Понятие «коллективные права» допускает, как минимум, пять противоречивых прочтений. Имеющиеся умозрительные аргументы в пользу этногрупповых прав легко оспариваются. Распространение «коллективных прав» этногрупп способно существенно подорвать основы системной интеграции полиэтнических наций. Существующие в мире этносоциальные проблемы можно решить демократическим путем, используя уже имеющиеся и широко признанные концепты прав человека и гражданина и «коллективного измерения» индивидуальных прав.

Attitude to so-called «collective rights» of ethnic groups as to a basis of ethno-national politics of every progressive state and of the whole global social community has lately become popular. Social and legal aspects of this notion are examined along with «pro» and «contra» its practical implementation. «Collective rights» notion allows at least five contradicting readings. Arguments for «ethno-group rights» are speculative and easily contested. If spread, «collective rights» of ethnic groups may essentially undermine system integration bases of multiethnic nations. Ethno-social problems that do exist in the world may be solved in democratic ways on the basis of already available and broadly accepted human and civil rights concepts and by applying «collective measurement» of individual rights.

Dernier temps, l'idée que la notion «droits collectifs» des groupes ethniques doit être la base de la politique ethno-nationale de chaque Etat progressif et même de toute la communauté sociale mondiale devient de plus en plus populaire. Aspects sociaux et juridiques de cette notion sont examinés avec beaucoup de «pro» et «contra» sa application pratique. La notion «droits collectifs» admet au moins cinq interprétations contradictoires. Arguments pour «droits de groupes ethniques» sont spéculatifs et on les easement contest. La propagation des «droits collectifs» des groupes ethniques peut essentiellement saper les fondements d'intégrité systématique d'Etats multiethniques. Il y'a beaucoup de problèmes ethno-sociales dans le monde mais on peut les résoudre au moyen d'instruments démocratiques sur la base des concepts des droits humains et civils déjà existants et largement accepté aussi que par l'application de la «mesure collective» des droits individuels.

In der letzten Zeit, immer wider verbreitet sich die Idee dass der Begriff «Kollektive Rechts» der ethnischen Gruppen als Grundlage ethno-nationaler Politik jeder Staat und sogar der ganzen sozialen Gemeinschaft betrachtet werden soll. Soziale und juristische Aspekte dieses Begriffs zusammen mit vielen «pro» und «contra» deren praktische Verwendung sind analysiert. Der Begriff «Kollektive Rechts» lässt wenigstens fünf verschiedene widerspruchsvolle Deutungen. Argumente für die «Rechts der ethnischen Gruppen» sind spekulative und man kann sie leicht abstreiten. Verbreitung der «Kollektive Rechts» der ethnischen Gruppen kann die Integrationsgrundlagesysteme der multiethnischen Staaten bedeutend untergraben. Es gibt viele ethnosoziale Problemen in der Welt, aber man kann sie mit Hilfe der allgemeinüblichen demokratischen und auf dem Konzept der menschlichen und zivilen Rechts basierten Verfahren und durch den Ansatz der «kollektive Maßstab» an Rechts des Individuums lösen.

Ключевые слова: глобализация, межэтнические отношения, «коллективные права», права человека и гражданина, международное право, индивидуальное право, коренные народы, этническая элита.

Key words: globalization, interethnic relations, «collective rights», human and civil rights, international right, individual right, native peoples, ethnic elite.

Mots clefs: globalisation, relations interethniques, «droits collectifs», droits humains et civils, droit international, droit individuel, peoples indigènes, élite ethnique.

Schlüsselwörter: Globalisierung, interethnische Beziehungen, «Kollektive Rechts», menschliche und zivile Rechts, internationale Rechts, Rechts des Individuums, Urbevölkerung, ethnische Elite.

В многочисленных дискуссиях на тему развития и регулирования межэтнических отношений в эпоху глобализации особое внимание весьма часто уделяется существованию так называемых «коллективных прав» этнокультурных групп и возможности практической реализации данных прав. Интерес специалистов-обществоведов различного профиля к этой теме не случаен и имеет, отнюдь, не только теоретико-познавательное значение. Более того, то или иное решение проблемы «коллективных прав» этнических сообществ сегодня

становится одной из ключевых составляющих этнонациональной политики едва ли не всех современных государств. Стимулированные глобализацией «этнический ренессанс» и необычайная активизация международных миграций не только открыли новые возможности, но и серьезно усложнили процессы взаимодействия представителей различных культур и народов мира. Хотя практически все нынешние государства-нации стали полиэтническими, проявление этноцентризма и ксенофобии, структурной дискриминации по этническому при-

знаку, межэтнической напряженности и открытых конфликтов остается «знаковым» атрибутом сегодняшней действительности. Вместо консенсусных взаимоотношений и системной интеграции различных этногрупп в рамках единой гражданской нации, мы все чаще наблюдаем многочисленные конфронтационные размежевания. При этом под «прикрытием» этничности нередко скрываются наиболее болезненные экономические, политические и социально-культурные противоречия нашего времени.

С помощью сформировавшейся за последние десятилетия и довольно популярной сейчас (особенно среди так называемых «либералов») концепции «коллективных прав» этнокультурных сообществ, якобы, можно разрешить все вышеуказанные проблемы и обеспечить, наконец, прочный социальный и этнический мир и благополучие. Более того, все чаще слышатся утверждения о безальтернативности, необходимости и неизбежности принятия данной концепции как основы этнонациональной политики каждого «прогрессивного» государства и всего глобального социума. Впрочем, специалисты-социологи знают, как опасно безоговорочно доверять каким-либо идеологемам, и потому они сначала должны разобраться, что вообще представляют собой «коллективные права» и такой ли уж общепризнанной истиной является их реализация. К тому же в России дискуссии на эту тему пока ведутся преимущественно в рамках научного сообщества, и у нас еще есть время для принятия разумных и взвешенных решений. Конечно, данная статья, не претендуя на всеобъемлющее рассмотрение обозначенной проблематики, все же может дать ценную информацию для размышлений и последующих исследований.

Следует отметить, что споры о том, допустимо ли признание «коллективных прав» и как они соотносятся с правами индивида, длятся, по меньшей мере, четверть века и весьма далеки от завершения. Между тем, в немалом числе текстов, выпущенных либерально настроенными общественными активистами, государственными чиновниками и представителями академической науки за рубежом и в России содержится утверждение о том, что «коллективные права» — общепризнанная норма и основа международной политической практики, либо что признание и институциональное закрепление «коллективных прав» этнических групп должно рассматриваться как необходимое условие предотвращения дискриминации и обеспечения прав лиц, относящихся к этнонациональным меньшинствам.

В упомянутых текстах далеко не всегда объясняется значение понятия «коллективные права». Этот термин выглядит весьма неопределенным, и, как

замечают специалисты, допускает, как минимум, пять возможных прочтений:

- 1) индивидуальные права, реализуемые в коллективе совместно с другими людьми (так называемое коллективное измерение индивидуальных прав);
- 2) общие права человека и гражданина применительно к членам определенной группы;
- 3) специальные права, которыми обладают индивиды, относящиеся к определенной категории;
- 4) правомочия организации;
- 5) права социальной общности как таковой («групповые права»).

Когда речь заходит о «коллективных правах» этнокультурных сообществ, адептами этой концепции обычно применяется пятая интерпретация, то есть под «коллективными» правами подразумеваются права конкретной социальной группы (народа, этнической общности, этнонационального меньшинства), а сама группа считается субъектом (носителем) данных прав. Важно именно то, что вся группа как таковая воспринимается как социальная целостность и как социальное «лицо», которое может и должно приобретать определенные субъективные права и пользоваться ими в своих интересах. При этом, как мы уже отмечали, утверждается, что юридическое закрепление этногрупповых прав следует рассматривать:

- а) как общественно значимую и общепризнанную реальность,
- б) как необходимое и безальтернативное условие недискриминации и защиты меньшинств и как способ достижения этносоциального консенсуса (в том числе в мировом масштабе).

Такой подход подлежит критике сразу с трех точек зрения:

- 1) с позитивистской юридической, т.е. с точки зрения: соответствует ли он правовой логике и действующим международно-правовым нормам,
- 2) с социологической, т.е. исходя из того, насколько он соответствует существующим или желательным социальным реалиям,
- 3) с чисто логической, т.е. исходя из наличия ложных или безосновательных посылок.

Критический анализ целесообразно начать с юридической стороны дела, поскольку утверждения об общепризнанном характере «этногрупповых прав» делаются именно со ссылкой на современное международное право. Из-за этого, многие воспринимают «групповые права» как юридическую и социальную данность, как нечто реально признаваемое и используемое мировым сообще-

ством. Однако стоит посмотреть, признается ли на самом деле идея «этногрупповых прав» современным международным гуманитарным правом, и если признается, то в каком качестве и в какой степени. Для этого нужно, прежде всего, взглянуть на основные международные документы, посвященные правам человека.

Первое, с чем мы встретимся, заглянув в них, — это так называемое «право народов на самоопределение». Следует упомянуть, прежде всего, п. 1 ст. 1 Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах; «право на самоопределение» также декларировано в ряде документов, принятых Генеральной Ассамблеей ООН и разными региональными международными организациями. Вопрос о природе и сущности этой идеи — тема отдельной дискуссии, но кратко можно отметить следующее.

1. Как минимум, очень мало оснований считать, будто это «право» действительно относится к этническим коллективам. Если под «народом» понимается сообщество граждан независимых государств или зависимых территорий, то формула «права на самоопределение» в том виде, как она изложена в упомянутых Пактах о правах человека, в первом случае выступает синонимом принципов суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела, а во втором, — может означать лишь разовый акт с сомнительными перспективами практической реализации. Если «народ» понимается в каком-либо ином смысле, то нет оснований утверждать, что п. 1 ст. 1 Пактов налагает на государства какие-либо конкретные обязательства, а декларации Генеральной Ассамблеи ООН не имеют к тому же обязывающей силы по своему статусу.

2. Как максимум, по ряду причин можно спорить с тем, что эта идея носит правовой характер. Во-первых, этническая общность не может быть субъектом ответственности, соответственно, не может иметь обязанностей, а потому не обладает свойством правосубъектности. Имеющиеся формулировки идеи права на самоопределение таковы, что невозможно говорить о том, что они накладывают на кого-либо позитивные обязательства. Следовательно, невозможно говорить о правовой норме и правоотношении как таковых. Во-вторых, самоопределение предполагает односторонние действия вне правового контекста и без каких-либо условий и ограничений, т.е. основано на революционной, а не правовой логике. Наконец, формула самоопределения как идея неограниченных правомочий субъектов, противостоящих государству, означает отрицание самих основ современного международного права как конвенционального порядка, созданного государствами и

для государств. Особого внимания заслуживают и потенциальные политические последствия злоупотребления правом на самоопределение — провоцирование этнических конфликтов, сецессии и легализация вмешательства во внутренние дела других стран (вспомним ситуацию в Югославии или Ираке).

Если обратиться к документам ООН и ее специализированных агентств, затрагивающим проблемы предотвращения расовой дискриминации и защиты меньшинств, прежде всего, к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенции № 111 Международной организации труда относительно дискриминации в области труда и занятий 1958 г., Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Декларации ООН о правах лиц, относящихся к этническим, языковым и религиозным меньшинствам 1992 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 47/135), то выяснится, что они целиком и полностью базируются на концепции индивидуальных, а не коллективных прав. Нормативные документы Совета Европы, в частности Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, основываются на том же самом принципе. В статьях 13 и 31 Пояснительного доклада к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств специально подчеркивается, что конвенция не подразумевает признания коллективных прав. Аналогичные формулировки, использующие только концепт индивидуальных прав, содержатся в документах СБСЕ/ОБСЕ, посвященных этнонациональным меньшинствам, и в двусторонних межгосударственных договорах, содержащих обязательства сторон по защите меньшинств. Например, с 1991 г. Российская Федерация подписала и ратифицировала ряд договоров подобного рода; подавляющее большинство которых содержит формулировки о защите прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и лишь отдельные договоры упоминают о защите «прав национальных меньшинств» и об обеспечении «участия меньшинств» в жизни общества, но при этом отсылают к международным стандартам и обязательствам, то есть к тем же индивидуальным правам.

Помимо вышеупомянутых деклараций о «праве народов на самоопределение», существует несколько документов, провозглашающих «право народов на мир», «право на здоровую окружающую среду», «право на развитие», «право на развитие культуры» и «право народов на пользование природными ресурсами». Такого рода права провозглашаются в Декларации «О праве народов на мир» 1984 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 39/11), Декларации «О праве на развитие» 1986 г. (Резолюция ГА ООН № 41/128), Рио-де-Жанейрской Декларации по

окружающей среде и развитию, принятой Всемирной Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 1992 г., Декларации ЮНЕСКО о принципах международного культурного сотрудничества 1966 г., Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г. Однако эти права сформулированы таким образом, что возникают серьезные основания воспринимать их как метафорические нормы-идеалы, а не как права в юридическом смысле. Все указанные документы оставляют субъектов и бенефициантов провозглашенных прав неопределенными, не устанавливают ни механизмов контроля, ни механизмов защиты этих прав и очень расплывчато говорят о носителях обязанностей.

По существу, единственным международно-правовым актом, последовательно реализующим концепцию групповых прав этнокультурных сообществ (аборигенных народов), является Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах» 1989 г. Впрочем, эта конвенция едва ли может рассматриваться как общепризнанный стандарт: ее ратифицировало к настоящему времени мало государств; она посвящена решению довольно специфических, не имеющих универсального распространения проблем и принята с оговоркой о недопустимости расширительного толкования своих положений. В целом же, развитие основных международных инструментов защиты меньшинств и предотвращения дискриминации проходит исключительно в рамках концепции индивидуальных прав и коллективного измерения индивидуальных прав. Поэтому часто встречающиеся утверждения в том духе, что «весь мир признает коллективные права», не соответствуют действительности.

Однако было бы упрощением оценивать сложившуюся ситуацию только на основании формальных критериев. Хотя концепт этногрупповых прав пока не нашел применения как компонент международного права, тенденция разработки и обоснования данной идеологии вполне очевидна в рамках обществоведческого дискурса, который не может, в конечном счете, не влиять на позицию правительств и международных организаций. Это направление академических или квазиакадемических изысканий поддерживается представителями разных наук и, прежде всего, политической философии и юриспруденции, в меньшей степени, — политологии, социологии и теории международных отношений. Большинство «рациональных» доводов в пользу этногрупповых прав носит умозрительный характер, и они различаются по своей аргументации. Приведем наиболее распространенные суждения.

1. Мнимая самоочевидность. «... Любое сообщество, члены которого могут голосовать, в состоянии действовать как единый организм». Иными словами, это идея «коллективного индивида»; доводы в ее пользу выглядят следующим образом: группа одинаковых индивидов, в частности, этнонациональное меньшинство, может вести и ведет себя как один большой индивид, а потому способно приобретать и реализовывать права, следовательно, такие права должны быть признаны и конституированы. Как правило, это положение берется как априорное и не нуждающееся в доказательствах. Этнонациональные меньшинства нередко рассматриваются как разновидность корпоративных общностей, а так как корпорации могут иметь права, то делается вывод, что права могут быть признаны и для групп. Между тем, столь же априори и, как минимум, с не меньшим основанием можно выдвигать прямо противоположное утверждение: любая социальная общность, представляемая как целостность на основании какого-то признака, состоит из людей с разными интересами, индивидуальными стратегиями поведения, и потому групповым правам просто не находится адекватного субъекта; конституирование же такого права не может не приводить к игнорированию прав и интересов конкретных индивидов.

2. Мнимая сущность. Групповые права меньшинств нужны, поскольку такова суть этих прав: они не сводимы к индивидуальным правам и реализуются только в рамках определенной группы и, что важнее, конституируются для определенной группы. Например, право пользоваться родным языком в публичной сфере и право получать образование на родном языке не реализуются отдельно взятым индивидом, но культурно или лингвистически отличительной группой. Однако здесь имеют место две некорректные операции.

Во-первых, происходит юридическая инверсия: обязывающая норма переписывается как субъективное право. Во-вторых, одно толкование «коллективных прав» (коллективное измерение индивидуального права) подменяется другим (правом всей группы как таковой), как в п. 1. Ранее уже отмечалось, что социальное множество типа этнической группы не может быть носителем юридических обязанностей, а потому не может иметь такого свойства как правосубъектность и не в состоянии быть стороной правоотношения.

Некоторые авторы определяют коллективные права как те права, которые могут быть нарушены исключительно в отношении «сообщества в целом». Красивая на первый взгляд формула при более внимательном рассмотрении оборачивается или

логическим порочным кругом, или описанной выше подменой – коллективного измерения индивидуальных прав правом социальной общности как таковой. М.Д. Смыслов в качестве права, которое может быть нарушено только в отношении сообщества, называет право сохранять и развивать культурную самобытность. Таким образом, сначала постулируется некое право как право сообщества в целом, а затем следует утверждение, что такое право можно нарушить только как право сообщества. Надо, однако, прежде всего доказать, что подобное право может быть конституировано и именно в таком качестве. Если рассмотреть, к примеру, названное право на сохранение самобытности, то по существу оно окажется неотличимо от индивидуальных прав, имеющих коллективное измерение. Любое из последних может быть нарушено в отношении индивида, части определенной социальной категории или категории в целом. Точно также право на сохранение самобытности в любой формулировке может нарушаться и в отношении культурно отличительной общности в целом, и в отношении ее части (например, применительно к какой-то территории или каким-то нелояльным организациям).

3. Условная гарантия. Признание групповых прав – гарантия неприкосновенности автономных институтов меньшинств со стороны государства и этнического большинства. Иными словами, декларирование в международных конвенциях или в национальном законодательстве прав этнических групп на пользование языком, на автономию, на поддержание образовательных институтов и др. должно служить инструментом, предотвращающим нарушение государством своих обязательств и покушение со стороны правительства на возможности и ресурсы, которыми пользуются меньшинства. Наиболее последовательно такой подход отстаивает канадский философ Уилл Кимличка. Можно встретить другую разновидность подобных аргументов – утверждения о том, что конституирование групповых прав является необходимым условием сохранения групповой идентичности, поскольку признание государством групповой отличительности невозможно без признания прав группы, т.е. без рассмотрения группы меньшинства в качестве своего рода квазинации с некоторыми атрибутами суверенитета.

Очевидно, однако, что если государство законодательно гарантирует поддержку социальных институтов, удовлетворяющих запросы меньшинств, и если это государство является правовым, то оно будет следовать своим обязательствам вне зависимости от того, провозглашены формально права этногрупп или нет. Если государство склон-

но игнорировать свои законы и обязательства по соображениям политической конъюнктуры (к чему склонны многие автократические и переходные режимы), то декларации о правах групп или провозглашение автономии каких-либо институтов не помешают правительству нарушить свои обещания. Стремление напугать государство громкими словами, записанными в международных декларациях или национальных законах, выглядит довольно наивным.

Мысль о том, что конституирование групповых прав необходимо как инструмент защиты групповой «идентичности», подразумевает следующее: поскольку собственно к поддержке культурных и образовательных институтов этногрупповые права отношения не имеют, их предназначение заключается в том, чтобы служить инструментом защиты межгрупповых границ и символическим капиталом для лиц, претендующих на представительство «своих» народов и культур. Это означает, что межэтнические барьеры и монополия «этнических элит» на представительство и власть выступают как цели и как ценности сами по себе. Такой подход объясним и логичен, но он явно не имеет ничего общего с идеями демократии и этносоциальной интеграции.

Особого рассмотрения заслуживает идея «права этнической группы на автономию». Некоторые авторы пишут о подобном праве как о если не юридической, то политической реальности или, как минимум, об общезначимом нормативном требовании. Как правило, имеется в виду территориальная автономия этнической общности и для этнической общности, т.е. выдвигается идея, что определенная территория и автономные институты территориального управления являются «собственностью» определенной этнической группы. Подобные представления очень часто служат наглядным образцом «двойного стандарта»: получается, что, как минимум, символическое исключение из полноправной категории тех, кто не относится к «титულному» этносу, неприемлемо на уровне государства в целом, но должно приветствоваться на уровне региона или муниципального образования. Защита «автономии меньшинств» в подобном значении особенно интересно звучит в устах людей, известных как теоретики либерализма.

4. Псевдопрагматизм. Этногрупповые права нужны, поскольку их признание позволяет снизить политическое давление со стороны ассоциаций меньшинств и повысить уровень легитимности существующей государственности в глазах меньшинств. Иными словами, если группы меньшинств будут восприниматься и признаваться в качестве квазинаций со своими «правами», то «этнические

элиты», претендующие на представительство и власть, обретут желаемый статус, и это послужит залогом их лояльности существующей государственности и политической системе. На это можно возразить, указав на отсутствие достаточных оснований и предположив совершенно иной исход: если «этнические элиты» в принципе склонны к деструктивным действиям и лояльны закону только условно, то кто может поручиться, что, получив дополнительные ресурсы и новый символический капитал, они изменятся и не выдвинут новые, более радикальные требования. Нельзя, разумеется, исключать того, что в конкретной обстановке стратегия социального подкупа и политических уступок даст желаемый эффект, но в любом случае предположение об универсальной применимости и надежности таких рецептов весьма сомнительно.

Таким образом, имеющиеся умозрительные аргументы в пользу этногрупповых прав можно легко оспорить. Многие из них выдвигаются без достаточных оснований, исходя из спорных посылок, с сомнительной претензией на универсальность, игнорируя наличие иных подходов и решений, без учета возможных или неизбежных побочных последствий, которые вступают в противоречие с провозглашаемыми целями. На любой умозрительный довод в пользу этногрупповых прав в рамках той же системы ценностей и представлений можно предложить контрдоводы, которые авторами выдвигаемых предложений не учитываются. Но самое главное – вполне возможно демократическим путем решить существующие в мире этносоциальные проблемы, используя уже имеющиеся концепты прав человека и гражданина и «коллективного измерения» индивидуальных прав. Напротив, признание и реализация особых этногрупповых прав в лучшем случае не изменит сложившуюся ситуацию, а в худшем – серьезно осложнит ее. Выгоду для себя, скорее всего, извлекут лишь различные «этнические элиты», претендующие на доступ к социально значимым благам и ресурсам и фактически узурпирующие право

представлять свои народы и культуры. При этом неизбежны внедрение интерпретаций этничности в духе расово-биологического примордиализма и настоящий диктат идеологии «этнокультурной гомогенности», лишаящий «рядовых» индивидов возможности свободно формировать свою идентичность и модель социально-культурного поведения. Наконец, распространение «коллективных прав» этногрупп способно существенно подорвать основы системной интеграции полиэтнических наций. Более того, руководствуясь идеями групповых прав, можно придумать неограниченное количество последних для любой социальной категории и узаконить тип общественного устройства, когда «все равны, но некоторые – более равные, чем остальные». В результате, вместо гражданского общества «без цветов и границ», к которому призывал стремиться еще М. Лютер Кинг, мы рискуем оказаться в сегрегированном социуме, разделенном многочисленными стратowymi, этническими, конфессиональными, лингвистическими и прочими барьерами и «разломами». Пока еще есть возможность избежать подобного исхода.

Библиографический список

1. Действующее международное право. М.: Изд-во Московского независимого ин-та международного права, 2001.
2. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: Изд-во ИФ и ИЭА РАН, 2002.
3. Серл Д. Политика и гуманитарное образование // Отечественные записки. – 2002. – № 1.
4. Сингер Б.Дж. Демократическое решение проблем этнического многообразия // Вопросы философии. – 1994. – № 6.
5. Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994.
6. Human Rights. A Compilation of International Instruments. Vol. I. (Second Part). – United Nations, New York, Geneva, 1997.

Южанин М. А. – кандидат социологических наук, доцент Государственного технического университета «Московский авиационный институт»

Yuzhanin M. A. – Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor, «Moscow Aviation Institute» State Technical University

e-mail: acadra@yandex.ru